

Степан Геннадьевич Чухин

Омский государственный педагогический университет, кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры педагогики, Омск, Россия
e-mail: chukin2009@mail.ru

Елена Викторовна Чухина

Омский государственный педагогический университет, кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры педагогики, Омск, Россия
e-mail: chukina2008@mail.ru

Процессуально-технологический уровень проектирования концепции формирования российской гражданской идентичности школьников

Аннотация. В последние годы наблюдается актуализация интереса к формированию гражданской идентичности личности. Проблема идентичности обострилась, когда общество, «оторвавшись» от власти природы и традиций, встало перед необходимостью принимать самостоятельные решения. В статье показано, как именно коммеморация влияет на формирование гражданской идентичности, каковы стратегии формирования гражданской идентичности школьников при помощи коммеморативных практик. Как происходит формирование гражданской идентичности, какую роль в этом процессе играют практики коммеморации, могут ли они стать реальной альтернативой другим практикам воспитательной деятельности по гражданскому образованию — вот основные вопросы настоящей статьи.

Ключевые слова: идентичность, гражданская идентичность, коммеморация, коммеморативная практика.

Stepan G. Chukhin

Omsk State Pedagogical University, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Pedagogy, Omsk, Russia
e-mail: chukin2009@mail.ru

Elena V. Chukhina

Omsk State Pedagogical University, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Pedagogy, Omsk, Russia
e-mail: chukina2008@mail.ru

Procedural and Technological Level of Designing the Concept of Schoolchildren's Russian Civic Identity Formation

Abstract. In recent years, there has been an actualization of interest in the formation of a person's civic identity. The problem of identity became aggravated when the society, "breaking away" from the power of nature and traditions, faced the need to make independent decisions. The article shows how exactly commemoration affects the formation of civic identity, what strategies for the formation of civic identity of schoolchildren using commemorative practices exist. How does the formation of civic identity take place, what role do commemoration practices play in this process, can they become a real alternative to other practices of educational activities in civic education — these are the main questions of this article.

Keywords: identity, civic identity, commemoration, commemorative practice.

Введение (Introduction)

Феномен гражданской идентичности заключается в фундаментальной потребности субъекта в признании референтной для него социальной группы, в потребности личности быть укорененной в общественном бытии, благодаря чему человек способен преодолевать состояния изолированности и замкнутости своего экзистенциального существования [1].

В качестве важнейшего фактора формирования гражданской идентичности личности выступает внутренний резерв субъекта, который проявляется в активной жизненной позиции по отношению к социальной действительности и характеризуется готовностью принимать поведенческую модель гражданственности, формировать личностные черты автономности (экономической, политической, моральной,

религиозной, творческой) и уметь ими распоряжаться в процессе формирования общественных связей и отношений. С позиций концепции гражданского общества определенный гражданин может не разделять политические приоритеты государственной идеологии, но при этом обязан проявлять законопослушное отношение к существующей политической системе. Статус гражданственности отличается перспективной индивидуальной ответственностью благодаря опоре на память о собственных действиях и осознанию возможности их следствий, уважению к многообразному индивидуальному выбору иных граждан, признанию достоинств каждого индивида, активному отношению субъекта к общественной реальности, способности к обозначению собственного отношения к происходящему в общественной жизни, готовности к принятию самостоятельных решений.

Базовые задачи в формировании гражданской идентичности не могут быть решены полностью и окончательно. Процесс формирования гражданской идентичности следует понимать не как единичный акт, но как серию взаимообусловленных ситуаций гражданского выбора человека. Явление гражданской идентичности выступает как динамическое образование, а не как комплекс статичных и не изменяющихся характеристик личности, т. е. не как свершившееся событие, но как динамично развивающийся жизненный проект. В процессе формирования гражданской идентичности проявляется наше восприятие того, каким мы человеком являемся и каким хотим стать, поэтому гражданская идентификация развивается в динамичном пространстве общественных отношений. Потенциал гражданственности субъекта демонстрируется в его деятельности на благо всего гражданского общества, независимого от прямого воздействия институтов государственной власти, но при этом не может и функционировать изолированно от государственной идеологии. Таким образом, невозможно обрести идентичность раз и навсегда. Статус гражданской идентичности нуждается в постоянной поддержке и актуализации в форматах социальных практик, иначе эти статусы утрачиваются. В современном социокультурном пространстве в исследовании формирования гражданской идентичности личности необходимо переходить от исследований данного явления как жестко определенной структуры, которая унаследована или приобретена, к аналитике открытых и устремленных к изменениям в будущем процессов формирования гражданской идентичности, выявлению сил, определяющих динамику этих процессов, что оформляется в качестве важнейшей в современной ситуации практической и теоретической стратегии исследований [2].

Стратегии воспитательной работы, которые были сформированы в начале XX в. и основаны на конвейерном восприятии промышленного производства в современных социокультурных условиях, уже не могут соответствовать макроэкономическим и социальным особенностям общества и требуют основательного переосмысления и корректировки [3]. Поскольку именно знания в современной социокультурной реальности устаревают быстрее всего, образующийся разрыв в личном опыте субъекта и его социальной памяти о традициях предшествующего поколения актуализирует переосмысление прошлого и поиск новых

стратегий гражданской социализации. Изменения в предмете исследований объективно влекут за собой формирование современного инструментария педагогической методологии, который призван выявить новые параметры воспроизведения социальной памяти в условиях современного трансформирующегося мира.

Феномен социальной памяти выступает конструктом, который конфигурирует различные пространственные топы. Пространственная социальная память способна результативно функционировать в обеспечении устойчивого формирования гражданской идентичности личности и общества в целом, так как собственно сила памяти и создает черты персональной идентичности и предполагает прошлое в качестве проекции будущего [4].

Методы (Methods)

Теоретико-методологическую основу исследования коммеморационных практик составляют феноменологический (Б. Вальденфельс, Э. Гуссерль, М. Ришир, А. Шюц) и нарративный (Ф. Р. Анкерсмит, П. Рикер) подходы, концепции коллективного сознания (Э. Дюркгейм) и социальной памяти (М. Хальбвакс), а также теории социального пространства (П. Бурдьё), освоения повседневности (М. де Серто), «сборки памяти» (А. Ридинг), экономики памяти (М. Аллен). При рассмотрении структуры коммеморативной практики используется семиологический метод (Р. Барт), направленный на раскрытие понятия знака как социального конструкта.

Наиболее продуктивный метод исследования коммемораций, по мнению ученых, — наблюдение (включенное и невключенное), которое позволяет увидеть внешнюю сторону акта воспоминания в контексте социального взаимодействия [5]. Применение данного метода необходимо при изучении коммеморативных практик как ритуальных действий, которые отделяют сферу сакрального от повседневной жизни; контент-анализ и анкетный опрос необходимы для выявления наиболее коммеморативно плотных тем в историческом нарративе. Благодаря им можно узнать, какие события прошлого актуализируются в определенной социальной группе, а также выявить общее символическое пространство исторической памяти; дискурс-анализ показывает влияние социокультурных и институциональных контекстов на трансляцию исторических сюжетов. Тем самым можно увидеть, каким образом присутствие адресата и границ социального фрейма определяет содержание коммеморативного нарратива.

Литературный обзор (Literature Review)

Исследования по меморативной проблематике сегодня набирают обороты в отечественной социологии, в результате чего прослеживаются метаморфозы понимания прошлого современным российским обществом, появляется научное видение сообществ, которые организованы средствами коллективного воспоминания. Однако отечественные работы, акцентируя внимание на интегрирующей роли воспоминания в социальных группах, практически упускают из вида проблему ослабления этой роли, т. е. вероятность забвения коллективного воспоминания.

Увеличение информационных потоков с развитием цифровых медиа приводит к тому, что теперь множество людей лично, без вмешательства государства, способно конструировать исторические образы посредством открытой коммуникации. Обозначенные тенденции обуславливают процесс десакрализации памяти, в результате которого воспоминания о прошлом лишаются интегрирующей функции общества. Описанная ситуация является причиной, по которой коммеморативные практики не способны устойчиво действовать в современном обществе, в связи с чем экспертным группам, создающим историческое знание и выступающим организаторами актов коллективного воспоминания, необходимо искать новые средства для сохранения исторической памяти [6].

Каждый человек имеет индивидуальные воспоминания о личном прошлом, которое наполнено уникальными фактами. С позиции настоящего времени совокупность таких фактов создает у него целостное представление о пережитом [7]. Однако совершенно различные люди, каждый из которых имеет индивидуальный опыт, способны понимать и сохранять одинаковые воспоминания, не связанные с их жизнью. Эта возможность обладать общими образами прошлого становится основой для создания социальной группы, так как общие воспоминания позволяют людям ощущать совместно пережитые события.

Чтобы такие воспоминания продолжали соединять индивидов в единую общность, необходимо передавать опыт группы во времени и пространстве. Средством передачи представлений об общем прошлом выступают коллективные акты воспоминания, заставляющие человека снова прочувствовать сопричастность к событиям, которые удалось пережить членам социальной группы. Поэтому при изучении идентичности общества научному дискурсу следует обращать внимание на способы коллективного воспоминания [8].

В качестве факторов культурной интеграции российского общества выступают коллективные акты воспоминания, воспроизводящие представления о народном прошлом. Они состоят из реализации учебной программы в образовательных учреждениях, проведения акций поминовения и праздничных торжеств, открытия новых памятников, создания исторического медиаконтента и развития сферы туризма. Пока способы воспроизведения воспоминаний из российской истории действуют, в обществе поддерживается интеграция и, как следствие, социальная идентичность.

Если средства трансляции прошлого становятся малоэффективными, то слабеет прочность исторического повествования, в результате чего идентичность общества подвергается угрозе извне или распаду. Следовательно, необходимо понимать не только то, как именно поколение молодых россиян удерживает образы исторического прошлого, но и то, как акты коллективного воспоминания влияют на навязывание социально значимых воспоминаний [9].

Работы, посвященные феномену коммеморации как форме объективации содержания культурной памяти, можно разделить на три блока, каждый из которых ориентирован на собственный исследовательский фокус:

– функциональный (социокультурные функции коммеморации), представленный трудами А. И. Макарова, А. Мегилла, Л. Мильорати, Л. Мори, П. Хаттона, Д. Шерман;

– морфологический, ориентированный в большей степени на анализ конкретных форм коммеморативной деятельности (А. В. Полетаев, И. М. Савельева);

– системный, в рамках которого коммеморация рассматривается как сложный феномен в единстве его типового и функционального разнообразия (П. Нора, Е. Романовская, А. В. Святославский, Н. Фоменко, Ж.-Ш. Шурек) [10].

Концептуальные основания исследования ритуала, представленные в работах А. К. Байбурина, Э. Дюркгейма, К. Леви-Стросса, Э. Лича, К. Лоренца, Ю. М. Лотмана, Б. Малиновского, М. К. Мамардашвили, М. Мосса, В. Н. Нечипуренко, М. К. Петрова, В. Тернера, В. Н. Фурса, К. Юнга и др. Анализ работ Я. Ассмана, А. Варбурга, А. В. Дахина, И. Дройзена, П. Жане, Ф. Йейтс, В. А. Колеватова, О. Т. Лойко, П. Нора, А. В. Соколова, М. Хальбвакса, К. Шмита и др. способствовал выявлению взаимосвязи ритуала и социальной памяти. В области исследования иных способов трансляции социальной памяти — традиции, мифа и символа, можно указать на работы: Г. Б. Актона, Я. Ассмана, А. Н. Афанасьева, Р. Барта, А. Ван Геннепа, Я. Гримма, Ж. Делеза, Э. Кассирера, Ю. Липперта, А. Ф. Лосева, М. К. Мамардашвили, Е. М. Мелетинского, Р. Моретта, В. Д. Плахова, Н. Ф. Познанского, К. Поппера, А. А. Потемни, А. М. Пятигорского, М. А. Розова, К. А. Свасьяна, Г. Спенсера, И. В. Суханова, Э. Тейлора, С. А. Токарева, А. Уайтхеда, С. Флейшекера, Ю. П. Францева, Ф. В. Й. Шеллинга, Э. Шилза, К. Юнга [11].

Поскольку после «перестройки» российская/советская история неоднократно переписывалась (в связи с чем менялись интерпретации прошлого), постольку отечественная социология стала заниматься проблемой состояния памяти российского общества. Поэтому такие исследователи, как Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин, А. В. Очкина, Н. В. Проказина, Н. П. Старых, делают своего рода срез памяти российского общества, демонстрируя, какие события и личности актуализируются россиянами на карте истории. Появляются работы, касающиеся освоения понятий в социологии памяти. Среди таких авторов следует упомянуть А. Васильева, В. А. Колеватова, Е. А. Ростовцева, Д. А. Сосницкого, Е. Труbinу, В. Ярскую. Расширение теоретической базы исследования данной тематики привело к образованию направлений изучения памяти в рамках российской социологии. В частности, появляются работы И. Калинина, Г. Касьянова, О. Лысиковой, А. Миллера, О. В. Петровской, которые связаны с вопросом влияния государства на «правильное» понимание прошлого среди граждан своей страны. Помимо проблем исторической политики выделился ряд исследователей вокруг вопроса конструирования актов коллективного воспоминания с целью передачи опыта социальной группы — к обозначенному кругу можно отнести Е. Рождественскую, С. Ушакина, В. А. Шнирельмана.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Исследования по меморативной проблематике сегодня набирают обороты в отечественной социологии, в результате

чего прослеживаются метаморфозы понимания прошлого современным российским обществом, появляется научное видение сообществ, которые организованы средствами коллективного воспоминания. Однако отечественные работы, акцентируя внимание на интегрирующей роли воспоминания в социальных группах, практически упускают из вида проблему ослабления этой роли, т. е. вероятность забвения коллективного воспоминания [12].

Коммеморация — это действие, отсылающее к реальности прошлого, которой уже нет сейчас [13]. В любом сообществе коммеморативная практика является знаком, который скрепляет индивидов в единое целое, позволяя ощутить себя частью социальной группы. Следовательно, в акт воспоминания вкладывается понятие (означаемое), которое будет разделяемо всеми членами сообщества. Однако, чтобы распространиться среди группы людей, понятие требует означющего: содержания (максимального наполнения реальности прошлого) и формы (способа передачи и выражения содержания) [14]. Иными словами, социальный опыт объединяет людей благодаря понятию, воплощенному в материальной, телесной, вербальной или визуальной подаче.

Далее, рассмотрим основные подходы к определению коммеморации. Значительная группа исследователей определяют коммеморацию как область политики государственной идеологии, цель которой заключается в консолидации народа и обеспечении его гражданской идентичности. Исследователи выделяют также типологию коммеморации по критерию «масштабность охвата общественных групп» [15].

Например, А. В. Святославский рассматривает явление коммеморации в качестве сознательного социального акта трансляции нравственных, эстетических, мировоззренческих или технологических информационных значений через увековечение определенного количества персоналий или исторических событий благодаря введению исторических образов в пласты социальной памяти современных культур [16]. Э. Дюркгейм под коммеморацией понимает состояние эмоциональной вовлеченности ее акторов в процессы мемориальных действий [17].

Ряд авторов не используют напрямую термина «коммеморации», содержательно упоминая о характеристиках данного явления. Например, Э. Хобсбаум предлагает определение понятию «изобретенная традиция», которое по содержанию вполне соотносимо с сущностью явления коммеморации [18, с. 47]. П. Нора указывает, что в процессе формирования коллективных идентичностей ведущее значение придается механизмам передачи памяти, которые в обеспечении социализации поколений оформляются в коммеморации [19]. Ученый как разновидность коммемораций обозначает некие «места памяти», которые включают в свой ареал социальные общности, характеристики предметов, а также такие объекты социальной памяти, как архив, кладбище, коллекция, праздник, годовщина, трактат, протокол, монумент, храм, ассоциация [19, с. 95]. П. Х. Хаттон, выказываясь о политике коммемораций, предлагает определять данное явление в качестве идентификации и описания определенного события, идеи или

персоналии в рамках времени прошлого, выступающего посредником для власти в хранении социальной памяти [20, с. 73]. А. И. Миллер под «политикой социальной памяти» понимает набор разнообразных общественных практик и норм, связанных с регуляцией процесса коллективного воспоминания, — строительство памятника и открытие музея, организацию торжества на местном либо государственном уровне, и посвященных каким-либо значительным датам исторического прошлого, акцентированию общественных оценок данных сюжетов истории и забвению иных событий [21].

М. Хальбвакс отмечает, что коммеморации служат средством не только трансляции, но и изменения социальной памяти [22]. Голландский философ Ф. Р. Анкерсмит, исходя из постмодернистского посыла о непостижимости истории, считает, что прошлое не дано современности [23]. Человек в настоящем имеет только интерпретацию прошлого — отрефлексированный текст, в связи с чем индивиды не способны увидеть истинность нарратива. Следовательно, способов прочтения прошлого может быть очень много, и какой из них будет правильным, обществу неизвестно.

Процесс внедрения памяти в материальность также уместно будет прочесть в теории социального пространства, разработанной П. Бурдьё, согласно которой социальное пространство состоит из мест, которые присваиваются индивидами, — оно является осмысленным и знакомым. Когда человек присваивает себе пространство, то он устанавливает над ним власть. Именно поэтому обществу нужны коммеморативные практики, которые будут регулярно демонстрировать господство группы людей над конкретным социальным пространством [24]. Как полагают Л. Мильорати и Л. Мори, «памятные мероприятия представляют собой периодически предпринимаемую попытку слияния с прошлым, которая сопрягает линейную репрезентацию исторического времени с ритмами его циклического движения» [25, с. 108]. Ю. В. Павлова предлагает рассматривать коммеморацию как механизм, с помощью которого избранные события прошлого закрепляются в памяти членов общества [26, с. 447].

Поэтому общество занимается внедрением памяти в место, т. е. приданием воспоминаниям более устойчивой формы через материальные предметы [27]. Следовательно, социальная память всегда проявляет себя в другом, в том, что находится за рамками отдельно взятого человека. Таким образом, социальную память можно свести к манипуляциям пространством, где каждый индивид способен помещать и, изменяя интерпретацию, изымать воспоминания из мира вне себя [28]. П. Нора отмечает несколько вариантов определений термина «место памяти»: место материальное, символическое и функциональное, проявляющиеся в разной степени. «Даже место, внешне совершенно материальное, как, например, архивное хранилище, не является местом памяти, если воображение не наделит его символической аурой. Даже чисто функциональное место, такое, как школьный учебник, завещание или ассоциация ветеранов, становится членом этой категории только на основании того, что оно является объектом ритуала. Минута молчания, кажуца-

ся крайним примером символического значения, есть как бы материальное разделение временного единства, и она же периодически служит концентрированным призывом воспоминания. Три аспекта всегда сосуществуют» [19, с. 40]. П. Нора считает, что место памяти выступает в качестве формы явления коммеморативного сознания, которое порождено процессами подмены социальной памяти исторической реальностью.

Нарративы, или коммеморативные ядра, понимаются исследователями как некие самодостаточные реальности, которые устанавливают факт пребывания в текущей общественной действительности посредством регулирования своего воспроизводства. Одной из важнейших функций коллективных воспоминаний выступает создание и функционирование мифов общественной идентичности, как способа аффективного восприятия исторического прошлого. Способность нарративного связывания характеризует подобный миф как способный к оформлению отдельных свидетельств прошлого в настоящем (предлагая объяснение того, что достаточно сложно объяснить при опоре только на набор определенных исторических фактов), формирует аффект (в качестве языка самовыражения), оформляет политическую мифологию или символ (благодаря наличию инструментов для акцентирования связей между социальными явлениями). Поэтому нарратив выступает в качестве сюжетного повествования, описывающего цепи причинно-связанных событий истории [14].

Таким образом, мы получаем еще одно важное свойство коммеморативной практики — это всегда практика бытовой истории, бытовой жизни, материальная составляющая этой жизни, которая заключается в пространственно-материальных характеристиках «мест памяти». На уровне бытовых практик формируются, как отмечает Э. Хобсбаум, «изобретенные традиции». Только тогда они будут иметь определенный статус в общественном сознании и необходимым образом регулировать его. Э. Хобсбаум выделяет основные черты «изобретенных традиций»: искусственность, концептуальная ретроспективность, контрастность, повторяемость, предельный консерватизм, фиктивность [18]. Согласно концепции Э. Дюркгейма коммеморативные ритуалы (практики) обладают следующими свойствами: коллективным характером, эмоциональностью, сакральностью, ретроориентированностью. Проблема здесь заключается в том, что когда индивид производит собственный памятный нарратив, связанный с событиями, пережитыми лично, то он из фрагментов восприятия прошлого самостоятельно создает воспоминание [17]. Но когда происходит изъятие события из исторической памяти, то такое воспоминание представляется человеку целостным объектом, так как сам индивид не компетентен в конструировании фактов, выходящих за пределы его ограниченного повседневного мира.

Итак, с позиций социологической теории критерием выделения вида воспоминания является принадлежность коммеморативной конструкции к определенному уровню памяти, вследствие чего воспоминание может быть: 1) индивидуальным, 2) социальным и 3) историческим/культурным [21].

Заключение (Conclusion)

Коммеморации формируются на уровне коммуникативной памяти. Когда человек начинает рассказывать об истории, то он руководствуется «общей повествовательной конструкцией». Совместно с концептом «общей повествовательной конструкции» Я. Зерубавель вводит понятие «коммеморативной плотности», т. е. масштаба актуализации прошлого: одни эпохи и события наиболее значимы с позиции современности, поэтому глубина их описания становится более детализированной, другие, наоборот, неблагоприятны для легитимации социальной группы, поэтому они затушевываются в коллективном сознании [29].

Таким образом, динамика памяти заключается не только в чередовании забвения и воспоминания, но и в сочетании «вспышечных» и «сжатых» воспоминаний при создании биографического нарратива. Однако именно «вспышечные» воспоминания — реперные точки в построении повествования о своем прошлом, так как их коммеморативная плотность гораздо выше усредненных ячеек памяти [30]. Коммеморация всегда связана с необычным фактом прошлого, поскольку она должна взбудоражить человека и заставить его совершить усилие над сознанием, чтобы погрузиться в прошлое, поскольку воспоминание — это исключение, а не правило [31].

Государство предлагает современной молодежи новые форматы коллективного воспоминания: проведение интерактивных выставок, беспрецедентных мемориальных шествий и флешмобов, использование интернет-пространства для создания коммеморативных акций, а также введение культурно-антропологического образовательного стандарта в общеобразовательных учреждениях.

Исходя из представленной позиции, на индивидуальном уровне человек будет усваивать образы коллективного прошлого лучше, если исторический нарратив будет соприкасаться с событиями его личной жизни. Отсюда повышается роль семейной истории, которая связывает воспоминания личного характера с историей социальной общности. Образы исторической памяти более эффективны в усвоении молодыми людьми, если они связаны с семейным прошлым. Иными словами, молодой человек лучше ориентируется в перипетиях исторического периода, если в нём участвовал родственник, который ощутил на себе влияние исторического процесса. Однако прошлое семьи не всегда актуализируется в виде циркуляции памятных объектов или рассказов, поэтому использование ресурсов семейной истории иногда не позволяет усвоить образы исторической памяти. В такой ситуации выходом будет обращение к структуре коммеморативной практики: при опривычивании ее элементов необходимо сделать так, чтобы акт воспоминания всегда удивлял и тем самым создавал новую ауру коммеморации. Если понятие коммеморативной практики всегда должно быть одинаковым, то необходимо менять форму выражения исторического материала [32].

Таким образом, нарративный анализ в ходе интервью предполагает определение «общей повествовательной конструкции», т. е. выявление содержательно схожих сегментов памяти и особенностей композиции изложения воспоминаний. Среди выделенных информантом в процессе

рассказа событий прошлого можно вывести шкалу «коммеморативной плотности»: чем больше воспоминания касаются психологического мира рассказчика, тем насыщеннее, ярче и детальнее будут упоминания о повествуемом факте прошлого. Однако если воспоминание начинает отдаляться от личного опыта и от границы феноменологического мира информанта, то описываемый сегмент памяти будет становиться схематичнее, обретая форму мифа. Таким образом, складывается парадоксальная ситуация: с одной стороны, коммеморация априорно должна регулярно повторять социально значимые воспоминания, но, с другой стороны, для успешного сохранения исторической памяти необходимо подвергать коммеморативные практики постоянным изменениям.

Процессуально-технологический (практико-ориентированный) уровень проектирования концепции позволил выявить, что в качестве ведущей формы воспитательной деятельности в реализации системной парадигмы гражданского образования выступают коммеморативные практики, комплекс которых может быть оптимально применен с помощью определенных технологий: технология событийности, технология формирования школьной укладности, технология средообразования, технология создания общности, технология создания воспитательной системы школы, технология приключения, технология позитивного социального становления, технология воспитательных очагов.

Структура коммеморативной практики как технологии формирования гражданской идентичности школьников предполагает в своей основе коммеморативное ядро, которое выступает в качестве повода для акта поминовения. В качестве ядра может выступать отдельная личность, событие, совокупность событий, место и т. п. В процессе коммеморации это ядро превращается в коммеморативный символ, формируемый вокруг коммеморативного ядра. Символ, который также можно назвать архетипом или мифологемой, позволяет выйти за рамки конкретного события или биографии в «пространство нарратива» (Ш. Линд); именно с его помощью формируются требуемые ценности и соци-

альные модели поведения. Замыкает структурное оформление коммеморации коммеморативная функция (интегративная, социализирующая, информационно-накопительная и др.).

Социокультурная обусловленность формирования гражданской идентичности школьников предполагает актуализацию коммеморативных практик гражданского образования: чтение аутентичных текстов (коммеморация через книги, письма, дневники); практика памятных (commemorative) речей (коммеморация через восхваление или порицание деяний прошлых поколений); семейная сага (коммеморация через семейную идентичность — путешествие по историческим местам жизни семьи, ритуалы и традиции семейных праздников и т. д.); легендаризация образа героя (коммеморация через исследование биографии предков); школа — это твой дом (коммеморация через локальную идентичность — создание воспитательных очагов школы, формирование школьной укладности, создания детско-взрослой общности и т. д.); коммеморативная практика «Машина времени» (коммеморация через изучение краеведения — музеи, памятные места города (села), история традиционного крестьянского быта и т. д.); практики межпоколенного «диалога памяти» (коммеморация через организацию межпоколенного диалога на «территориях силы» («мест памяти») — памятники, места захоронений, иные объекты исторической памяти); «планеты детства» (коммеморация через организацию выставок детской игрушки, детских писем и дневников, фотографий, мастер-классы детских игр разных исторических периодов); фоновые коммеморативные практики (коммеморация через средообразование, формирование укладности школы, различные виды традиционного досуга — коллекционирование, ремесло, художественные практики, спорт); календарные коммеморативные практики (коммеморация через школьные и семейные праздники, юбилеи, памятные исторические события, культурные события — появление книги, фильма или спектакля, посвященных определенной исторической теме).

Библиографический список

1. Гаглоева А. Б. Гражданская идентичность как интегративное качество личности // Вопросы педагогики. 2020. № 10-1. С. 40–44.
2. Нечаев А. В. Метафизика идентичности // Социальные явления. 2020. Т. 10, № 1. С. 7–15. DOI: 10.47929/2305-7327_2020.01_7-15
3. Стычинский М. С. Кризис идентичности: механизмы забвения и мемориализации в условиях глобализации // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 35–39. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-7-35-39
4. Абрадова Е. С. Политика памяти как инструмент сохранения ценностей в процессе формирования новой национальной идентичности // Гуманитар. науч. вестн. 2021. № 2. С. 100–104. DOI: 10.5281/zenodo.4525895
5. Гулевская Н. А., Гулевский А. Н., Чайченко Д. В. Историческая память как фактор формирования идентичности // Философия права. 2019. № 2 (89). С. 137–145.
6. Дианова Г. А., Харькова О. А. Кризис идентичности современной молодежи // Инновационная наука. 2020. № 8. С. 74–76.
7. Булыгина Т. А. Идентичность и история памяти: теория и практика // Национальные и исторические традиции — источник общероссийского единства : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Карачаевск : Карач.-Черкес. гос. ун-т им. У. Д. Алиева, 2020. С. 74–84.
8. Дробижина Л. М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4 (158). С. 480–498. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1261

9. Гапоненко Л. Б. Конструирование национальной идентичности в контексте политики памяти // Дискурс-Пи. 2020. Т. 17, № 3 (40). С. 40–53. DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10303
10. Курдин Ю. А., Панов А. Р. История, память и идентичность: размышления над книгой «Прошлое для настоящего: история — память и нарративы национальной идентичности» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12 : Политические науки. 2020. № 6. С. 95–105.
11. Романова Д. Я. Роль родовой памяти в сохранении культурной идентичности // Культурологический журнал. 2019. № 4 (38). С. 3. DOI: 10.34685/Н1.2019.63.82.002
12. Карпова А. А. Формирование гражданской идентичности старшеклассников посредством коммеморативных практик на базе интерактивного школьного музея // Образование как фактор развития интеллектуально-нравственного потенциала личности и современного общества : материалы X Междунар. науч. конф. СПб. : Ленингр. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2020. С. 180–184.
13. Мурзина И. Я. Коммеморативные практики в образовании и конструирование культурной идентичности // Вестн. Гуманитар. ун-та. 2019. № 3 (26). С. 81–86.
14. Барбашина Э. В. Нарратив как способ формирования идентичности // Человек в современном мире: кризис и глобализация : Междунар. междисциплинар. коллектив. моногр. / сост., ред.: М. В. Бахтин, И. Э. Соколовская. М. : Энциклопедист-Максимум, 2020. С. 136–143.
15. Агафонова Д. В. Проблема исторической памяти и формирования идентичности в современной России // Vita Memoriae: теория и практики исторических исследований : сб. ст. по материалам VIII Всерос. науч. конф. молодых ученых, студентов и учащихся МБОУ СОШ. Н. Новгород : Нижегород. гос. пед. ун-т им. Козьмы Минина, 2021. С. 184–185.
16. Святославский А. В. Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры : автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2012. 27 с.
17. Дюркгейм Э. Педагогика и социология // Библиотека учебной и научной литературы : сайт. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/durkgeym_socilogija/03.aspx (дата обращения: 15.11.2021).
18. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестн. Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.
19. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб. : Изд-во С-Петербур. ун-та, 1999. 328 с.
20. Хаттон П. Х. История как искусство памяти / пер. с англ. В. Ю. Быстрова ; предисл. И. М. Савельевой. СПб. : Владимир Даль, 2003. 422 с.
21. Миллер А. И. Политика памяти в стратегиях формирования национальных и региональных идентичностей в России: акторы, институты и практики // Новое прошлое / The New Past. 2020. № 1. С. 210–217. DOI: 10.18522/2500-3224-2020-1-210-217
22. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М. : Новое издательство, 2007. 346 с.
23. Анкерсмит Ф. Нарративная логика: Семантический анализ языка историков / пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова ; под науч. ред. Л. Б. Макеевой. М. : Идея-Пресс, 2003. 360 с.
24. Бурдые П. Физическое и социальное пространства // Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. : Ин-т эксперим. социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. С. 49–63.
25. Мильорати Л., Мори Л. Тень классического наследия и ее преодоление. Память о движении сопротивления и «конфликтность» памятных мероприятий / [предисл., пер. с итал. В. К. Коломиец] // Социологические исследования. 2014. № 1 (357). С. 108–115.
26. Павлова Ю. В. Роль школьного образования в процессе формирования социальной памяти и коммеморативной культуры // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 10 (54). С. 447–455. DOI: 10.12731/2218-7405-2015-10-41
27. Беседина Е. А., Буркова Т. В. «От доски до доски»: конструирование мифа и поиск идентичности в знаках коммеморации (на примере мемориальных досок) // Люди и тексты. Исторический альманах. 2019. № 12. С. 178–186.
28. Бадерина А. А. Ментальные карты как педагогическая технология для формирования локальной идентичности школьников // Вестн. науч. ассоциации студентов и аспирантов истор. фак. Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-та. Сер. : Stadia Historica Jenium. 2019. № 1 (15). С. 276–281.
29. Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти : сб. ст. М. : Новое издательство, 2011. С. 10–29.
30. Семакова М. К. Возможности коммеморативных практик в формировании российской гражданской идентичности школьников // Образование как фактор развития интеллектуально-нравственного потенциала личности и современного общества : материалы X Междунар. науч. конф. СПб. : Ленингр. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2020. С. 176–179.
31. Региональная идентичность в юношеском возрасте как маркер личностной связи с территорией проживания / Л. А. Максимова, Р. А. Валиев, Н. Б. Руженцева, Т. В. Валиева // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24, № 2. С. 82–92. DOI: 10.17759/pse.2019240208
32. Chukhin S. G., Cherkevich E. A., Chukhina E. V. Formation of Life-Purpose Identity in Adolescent and Junior Age // SHS Web of Conferences. International Scientific Conference “Eurasian Educational Space: Traditions, Reality and Perspectives”. 2021. Vol. 121. DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/202112102006>

References

- Abradova E. S. (2021) Politika pamyati kak instrument sokhraneniya tsennostei v protsesse formirovaniya novoi natsional'noi identichnosti [The Policy of Memory As a Tool for Preserving Values in the Process of Forming a New National Identity], *Gumanitarnyi nauchnyi vestnik [Humanitarian Scientific Bulletin]*, no. 2, pp. 100–104, doi: 10.5281/zenodo.4525895 (in Russian)
- Agafonova D. V. (2021) Problema istoricheskoi pamyati i formirovaniya identichnosti v sovremennoi Rossii [The Problems of Historical Memory and the Formation of Identity in Contemporary Russia], *Vita Memoriae: teoriya i praktiki istoricheskikh issledovaniy [Vita Memoriae: Theory and Practice of Historical Research]**. Nizhny Novgorod, Nizhegorodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni Koz'my Minina Publ., pp. 184–185. (in Russian)
- Ankersmit F. (2003) *Narrativnaya logika: Semanticheskii analiz yazyka istorikov [Narrative Logic: A Semantic Analysis of the Language of Historians]**. Moscow, Ideya-Press Publ., 360 p. (in Russian)
- Baderina A. A. (2019) Mental'nye karty kak pedagogicheskaya tekhnologiya dlya formirovaniya lokal'noi identichnosti shkol'nikov [Mental Cards As a Pedagogical Technology for the Formation of Local Identity of Schoolchildren], *Vestnik nauchnoi assotsiatsii studentov i aspirantov istoricheskogo fakul'teta Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Stadia Historica Jenium [Bulletin of the Scientific Association of Students and Postgraduates of the Faculty of History of the Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series: Stadia Historica Jenium]**, no. 1 (15), pp. 276–281. (in Russian)
- Barbashina Eh. V. (2020) Narrativ kak sposob formirovaniya identichnosti [Narrative As a Way of Forming Identity]*, *Bakhtin M. V., Sokolovskaya I. E. (eds.) Chelovek v sovremennom mire: krizis i globalizatsiya [Man in the Modern World: Crisis and Globalization]*. Moscow, Ehntsikopedist-Maksimum Publ., pp. 136–143. (in Russian)
- Besedina E. A., Burkova T. V. (2019) "Ot doski do doski": konstruirovaniye mifa i poisk identichnosti v znakakh kommemoratsii (na primere memorial'nykh dosok) ["From Blackboard to Blackboard": Constructing a Myth and Searching for Identity in Commemoration Signs (For Example, Memorial Plaques)*], *Lyudi i teksty. Istoricheskii al'manakh [People and Texts. Historical Almanac]**, no. 12, pp. 178–186. (in Russian)
- Bourdieu P. (2007) Fizicheskoe i sotsial'noe prostranstvo [Physical and Social Space]*, *Bourdieu P. [Sociologie de L'espace Social]*. Moscow, Institut ehksperimental'noi sotsiologii Publ., Saint Petersburg, Aleteiya Publ., pp. 49–63. (in Russian)
- Bulygina T. A. (2020) Identichnost' i istoriya pamyati: teoriya i praktika [Identity and the History of Memory: Theory and Practice], *Natsional'nye i istoricheskie traditsii — istochnik obshcherossiiskogo edinstva [National and Historical Traditions — the Source of All-Russian Unity]**. Karachaevsk, Karachaev-Cherkesskii gosudarstvennyi universitet imeni U. D. Alieva Publ., pp. 74–84. (in Russian)
- Chukhin S. G., Cherkevich E. A., Chukhina E. V. (2021) Formation of Life-Purpose Identity in Adolescent and Junior Age, *SHS Web of Conferences. International Scientific Conference "Eurasian Educational Space: Traditions, Reality and Perspectives"*, vol. 121, doi: <https://doi.org/10.1051/shsconf/202112102006> (in English)
- Dianova G. A., Khar'kova O. A. (2020) Krizis identichnosti sovremennoi molodezhi [Identity Crisis of Modern Youth]*, *Innovatsionnaya nauka [Innovative Science]*, no. 8, pp. 74–76. (in Russian)
- Drobizheva L. M. (2020) Smysly obshcherossiiskoi grazhdanskoi identichnosti v massovom soznanii rossiiyan [The Meanings of All-Russian Civic Identity in Russian Mass Consciousness], *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*, no. 4 (158), pp. 480–498, doi: 10.14515/monitoring.2020.4.1261 (in Russian)
- Dyurkgeim Eh. Pedagogika i sotsiologiya [Pedagogy and Sociology]*, *Biblioteka uchebnoi i nauchnoi literatury [Library of Educational and Scientific Literature]**. Available at: http://sbiblio.com/biblio/archive/durkgeym_socilogija/03.aspx (accessed: 15.11.2021). (in Russian)
- Gagloeva A. B. (2020) Grazhdanskaya identichnost' kak integrativnoe kachestvo lichnosti [Civic Identity As an Integrative Quality of Personality]*, *Voprosy pedagogiki [Questions of Pedagogy]**, no. 10-1, pp. 40–44. (in Russian)
- Gaponenko L. B. (2020) Konstruirovaniye natsional'noi identichnosti v kontekste politiki pamyati [The Construction of National Identity in the Context of the Politics of Memory], *Diskurs-Pi [Discourse-P]*, vol. 17, no. 3 (40), pp. 40–53, doi: 10.24411/1817-9568-2020-10303 (in Russian)
- Gulevskaya N. A., Gulevskii A. N., Chaichenko D. V. (2019) Istoricheskaya pamyat' kak faktor formirovaniya identichnosti [Historical Memory As a Factor in the Formation of Identity], *Filosofiya prava [Philosophy of Law]*, no. 2 (89), pp. 137–145. (in Russian)
- Karpova A. A. (2020) Formirovaniye grazhdanskoi identichnosti starsheklassnikov posredstvom kommemorativnykh praktik na baze interaktivnogo shkol'nogo muzeya [Formation of Civil Identity of High School Students Through Commemorative Practices Based on an Interactive School Museum]*, *Obrazovanie kak faktor razvitiya intellektual'no-nravstvennogo potentsiala lichnosti i sovremennogo obshchestva [Education As a Factor in the Development of the Intellectual and Moral Potential of the Individual and Modern Society]**. Saint Petersburg, Leningradskii gosudarstvennyi universitet imeni A. S. Pushkina Publ., pp. 180–184. (in Russian)
- Khal'bvaks M. (2007) *Sotsial'nye ramki pamyati [Social Framework of Memory]**. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 346 p. (in Russian)
- Khatton P. Kh. (2003) *Istoriya kak iskusstvo pamyati [History As an Art of Memory]**. Saint Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 422 p. (in Russian)
- Khobsbaum Eh. (2000) Izobretenie traditsii [Inventing Tradition]*, *Vestnik Evrazii [Eurasia Bulletin]**, no. 1, pp. 47–62. (in Russian)

Kurdir Yu. A., Panov A. R. (2020) Istorija, pamyat' i identichnost': razmyshleniya nad knigoi "Proshloe dlya nastoyashchego: istoriya — pamyat' i narrativy natsional'noi identichnosti" [History, Memory and Identity: Reflections on the Book "The Past for the Present: History — Memory and Narratives of National Identity"], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science], no. 6, pp. 95–105. (in Russian)

Maksimova L. A., Valiev R. A., Ruzhentseva N. B., Valieva T. V. (2019) Regional'naya identichnost' v yunosheskom vozraste kak marker lichnostnoi svyazi s territoriei prozhivaniya [Conceptosphere of Regional Identity in Young People As Marker of Personal Relation with Territory of Residence], *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], vol. 24, no. 2, pp. 82–92, doi: 10.17759/pse.2019240208 (in Russian)

Miller A. I. (2020) Politika pamyati v strategiyakh formirovaniya natsional'nykh i regional'nykh identichnostei v Rossii: akty, instituty i praktiki [The Policy of Remembrance in Strategies of Formation of National and Regional Identities in Russia: Actors, Institutions and Practices], *The New Past*, no. 1, pp. 210–217, doi: 10.18522/2500-3224-2020-1-210-217 (in Russian)

Mil'orati L., Mori L. (2014) Ten' klassicheskogo naslediya i ee preodolenie. Pamyat' o dvizhenii soprotivleniya i "konfliktnost'" pamyatnykh meropriyatiy [The Shadow of the Classical Heritage and Its Overcoming. Memory of the Resistance Movement and the "Conflict" of Commemorative Events]*, *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no. 1 (357), pp. 108–115. (in Russian)

Murzina I. Ya. (2019) Kommemorativnye praktiki v obrazovanii i konstruirovaniye kul'turnoi identichnosti [Commemorative Practices in Education and Construction of Cultural Identity], *Vestnik Gumanitarnogo universiteta* [The Review of the Liberal Arts University], no. 3 (26), pp. 81–86. (in Russian)

Nechaev A. V. (2020) Metafizika identichnosti [Metaphysics of Identity], *Sotsial'nye yavleniya* [Social Phenomena], vol. 10, no. 1, pp. 7–15, doi: 10.47929/2305-7327_2020.01_7-15 (in Russian)

Nora P., Ozuf M., Pyuimezh Zh. de, Vinok M. (1999) *Frantsiya-pamyat'* [France-Memory]*. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskii universitet Publ., 328 p. (in Russian)

Pavlova Yu. V. (2015) Rol' shkol'nogo obrazovaniya v protsesse formirovaniya sotsial'noi pamyati i kommemorativnoi kul'tury [The Role of School Education in the Process of Forming Social Memory and Commemorative Culture], *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern Research of Social Problems], no. 10 (54), pp. 447–455, doi: 10.12731/2218-7405-2015-10-41 (in Russian)

Romanova D. Ya. (2019) Rol' rodovoi pamyati v sokhranении kul'turnoi identichnosti [The Role of Genus Memory in the Conservation of Cultural Identity], *Kul'turologicheskii zhurnal* [Journal of Cultural Research], no. 4 (38), p. 3, doi: 10.34685/HI.2019.63.82.002 (in Russian)

Semakova M. K. (2020) Vozmozhnosti kommemorativnykh praktik v formirovanii rossiiskoi grazhdanskoj identichnosti shkol'nikov [Possibilities of Commemorative Practices in the Formation of the Russian Civil Identity of Schoolchildren]*, *Obrazovanie kak faktor razvitiya intellektual'no-nravstvennogo potentsiala lichnosti i sovremennogo obshchestva* [Education As a Factor in the Development of the Intellectual and Moral Potential of the Individual and Modern Society]*. Saint Petersburg, Leningradskii gosudarstvennyi universitet imeni A. S. Pushkina Publ., pp. 176–179. (in Russian)

Stychinskii M. S. (2020) Krizis identichnosti: mekhanizmy zabveniya i memorializatsii v usloviyakh globalizatsii [Identity Crisis: Mechanisms of Oblivion and Memorialization in the Context of Globalization], *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]*, no. 7, pp. 35–39, doi: 10.21146/0042-8744-2020-7-35-39 (in Russian)

Svyatoslavskii A. V. (2012) *Sreda obitaniya kak sreda pamyati: k istorii otechestvennoi memorial'noi kul'tury* [Habitat As a Memory Environment: On the History of Russian Memorial Culture]*, Dr. culturology sci. diss. Abstr. Moscow, 27 p. (in Russian)

Zerubavel' Ya. (2011) Dinamika kollektivnoi pamyati [Dynamics of Collective Memory]*, *Imperiya i natsiya v zerkale istoricheskoi pamyati* [Empire and Nation in the Mirror of Historical Memory]*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., pp. 10–29. (in Russian)

* Перевод названий источников выполнен авторами статьи / Translated by the authors of the article.